

Мария Буркова

Середина Земли

Иркутские были

Мария Буркова

Середина Земли. Иркутские были

«Издательские решения»

Буркова М. О.

Середина Земли. Иркутские были / М. О. Буркова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850933-9

В сердце Евразии совсем другие представления о реальности, чем на других участках нашей планеты. Город, согласно завету Ломоносова, спасший не раз Россию, по праву носит титул столицы Восточной Сибири. Его цивилизация намного древнее европейской. И видна далеко не каждому приезжему.

ISBN 978-5-44-850933-9

© Буркова М. О.
© Издательские решения

Содержание

Тень экзекуции	6
Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Середина Земли Иркутские были

Мария Олеговна Буркова

© Мария Олеговна Буркова, 2017

ISBN 978-5-4485-0933-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тень экзекуции

Пролог

«Люби врагов своих, ненавидь врагов Христа и бей врагов Отечества».

Митрополит Московский Филарет.

– Да остановите же кто-нибудь этого русского джигита уже, он же из этого дага сейчас труп сделает! – донеслось до слуха наконец чьё-то циничное замечание.

– Рискни сам к нему подойти, а, умник? – усмехнулись в ответ. – Я вот не стану и тебе не советую, ха-ха!

Пашка неторопливо и методично продолжал работать ногами – разумеется, со своей чуть хмельной точки зрения... Он-то не сомневался в звериной живучести недавнего противника – и знал, что труп получится, если только это особо наглое ещё недавно совсем тело сейчас швырнуть в очень прохладную воду прямо с парковки – течение там уже сильное и сразу уходит на глубину, почти к фарватеру Её Полноводия. А оттого он сознательно старался хотя бы сломать противнику побольше рёбер – его неизменные казачки должны были помочь ему в этом, что, удивлены все опять, что у меня там под обычным костюмом-тройкой вместо модельных туфель, да? Ну то, что кастет – вещь нужная в кармане, вам всем доказал уже успешно ножичек этого молодого – факт, даже девятнадцати ещё нет чурке – вот и валяется сейчас на асфальте чуть в стороне от столика и поверженного тела.

Пашка краем глаза успешно видел, да и спиной прекрасно ощущал тотальное изумление коллег по корпоративу – что ж, теперь вы знаете, отчего я не автомобилист, как будто ни разу, верно? К чёрту, кабинетные штиблетники, только водку жрать и научились к тридцатке да в саунах уродин лапать. Всё ж потом на пьянку спишут, хотя внутри у патлатого замглавного архитектора города, что был ростом никак не ниже знаменитого Арни Шварценеггера и хоть и уступал прототипу в истинной мощности накачки мышц, уступал в их габаритах вовсе немного – а то, что костюм и рубаха успешно скрывали сей факт, была лишь заслуга портного – внутри у него плещется каких-то жалких пара бокалов коньяка, даже выше ста грамм они не дотягивают явно. Аппетит тоже ещё не успел разыгаться толком – впрочем, после разминки с юным дагестанцем, едва не опрокинувшем столик, пожалуй, есть может и захотеться. Вечер, во всяком случае, сейчас сумерки вступили в свои неотъемлемые права и быстро ретируются прочь, приглашая, нет, притаскивая за собой мадам Ночь, этот инцидент испортить не должен – кроме разве что для не очень молодых мэрских кликуш, что, живя в порыве вселенской доброты слишком долго, в итоге пригласили мироздание продемонстрировать им, что не все люди – лапочки...

Телефон, наконец-то выпавший из кармана поверженного врага, Пашка зрелищно и очень педагогично раздавил каблуком. Потом пожалел, что свидетелей слишком много и нельзя будет сжечь вражьи документы с помощью зажигалки. Приятное занятие не прерывал, отказавшись про себя от мысли закурить в процессе – и без того коллеги явно в неприятном ужасе, и так инцидент не весёлый для них ни разу. Дождавшись наконец уже неприятворной мольбы о пощаде, останавливаться не спешил, лупил нарочито молча, чтоб не складывалось ощущение, что он не то себя успокаивает, не то оправдывает свои действия.

Сирень пьянила ввечеру пряным запахом – здесь, на берегу огромного озера, лето наступало почти на месяц позже, чем в городе, и Пашка планировал по окончании банкета прогуляться по тёмным улочкам, чтоб подышать любимым со студенчества запахом. Или, если

коньяка почему-то окажется слишком много – повисать с подоконника в комнате, в которую доведётся попасть – где именно это будет, не всегда знаешь в начале вечера... Но текущее развлечение хоть и не портит настроения, но заставит сегодня не напиваться всласть – придётся контролировать всё и вся, в случае, если эта тварь могла вызвать кого-нибудь себе на выручку. Взгляд краем глаза на пресс-секретаря мэра – дамочка уже с лицом цвета мела, ага, и явно мечтает исчезнуть отсюда – ну, так и знал, что продаст с потрохами родную маму, спасибо за то, что заступился, можно не ждать... Что ж, зато приставать с обжиманцами не будет в будущем. Ладно, не отвлекаемся – после насмотримся на все выражения лиц, а сейчас выбиваем из этого тела способность ещё хныкать, и пожётчѐ. Вот же выносливый гад попался, ну да ничего, кажется, он уже очень боится, а значит, работать осталось недолго, да и не мешает пока никто – нож напавшего так и красовался себе рядом на асфальте, старательно напоминая свидетелям, что его владелец предполагал совсем иное развитие событий. Голос за спиной пришлось услышать только ещё через несколько минут.

– Господи, да это же Челленджер собственной персоной! – еле слышно охнули томным сопрано и добавили уже командирским тоном начальницы вполголоса. – Ну так чего вы так испугались, дурочки, он знает, что делает. Не мешайте ему, нормально всё.

Пашка почувствовал себя бойцовым псом, на заливке которого дыбом стала шерсть – этого ещё не хватало, кто осмелился назвать его школьным прозвищем? Это было хоть и холодное, но настойчивое любопытство, да и приятный голос казался отчего-то знакомым. А тут ещё и спина ощутила приятную волну от этой дамы, без апломба и претензий, непривычно добрую и чистую, что ли. Интерес ли победил, надоело ли работать, или же просто приятная прохлада, которой настойчиво тянуло с широкой водной глади и ненавязчиво приглашало закончить – но Пашка сменил тактику, перейдя к ударам по голове поверженного врага, и вскоре оказался свободен, вырубив наконец того надолго. Затем с милой улыбкой обернулся к даме, желая рассмотреть, кого же принесло – она явно оставалась здесь, интересно, зачем на самом деле. Ага, так это ж старший администратор отеля, получается, не меньше – ей положено среагировать на случившееся, всё верно. И, похоже, я тоже её знаю откуда-то, надо напрячь память. Блондинка, эффектная, настоящая, ещё худощавая – ну, это пока ей около четвертака, после она станет такой сиреной, что голова закружится у каждого существа мужского рода, если он не нечто среднее между полами. Да и вообще, честно говоря, формы такие, что я бы хоть сейчас, ночка-то звёздная нынче... Так, а кто мне мешает, право? – вот намекнём, что выполнил работу охранника, и вперёд, кольца-то не видно, это хорошо заметно. Ого, можно отставить – как красиво рычит на этого типа секьюрити, стало быть, это он не советовал ко мне подходить, пока я был занят? Так, чуть вбок повернись, пока отдаёшь распоряжения, ага, волосы ниже середины спины – это хорошо, это правильно. И профиль что надо, ровненький, не то, что всё чаще уродства души обозначает старательно. Эх, какие ноги! Ладно, решено, как всегда, шансов у нас около семидесяти процентов, а может, и больше гораздо, учитывая обстоятельства, из-за которых она здесь. Ох, учуяла, что ли? Какое милое личико, ладно, потом вспомню, где видал, сейчас три-два на каблуках и пара шагов вперёд... тройка шагов.

– Павел Николаевич, большое Вам спасибо, Вы ведь у нас остановились нынче? – сказано достаточно тихо, чтоб у остальных повяли с досады уши, но и не слишком чопорно, чтоб заподозрить голимый официоз, так что, это маскировка интереса, да?

Вежливо и величаво киваем. Какие глубокие глаза, светлые, зелёные, что ли? И без этой распроклятой краски, как красиво, ресницы вот длинные, не приклеенные. Так, ещё шаг и полшага, стоит, не отстраняется, очень хорошо, дуры уже обычно здесь начинают бояться, хорошо, что это не про неё. Чего так глядим, а? Не понял восторга, бейджика тоже не увидел, как у администраторов положено, ладно... Неужто хозяйка сама?

– Вы меня не помните, Павел Николаевич, верно? – как спокойно разговаривает, хотя глазки-то уже запылали, брови у неё ровные, прямые, приятные, скажем так.

Что ж, киваем, теперь можно вообще бесстыже уставиться в упор под самым честным соусом. Пашка, конечно, не мог толком знать, что его яркие голубые очи уже полыхнули ясным ровным светом, тем самым, который просто не могли уже игнорировать кто угодно. Он чуть опустил подбородок, зная, что этого обычно вполне достаточно – иногда можно было даже ничего не говорить. Однако озабоченных дам это хоть и приводило в бешеный экстаз, их неуравновешенность в этот момент была заметна. Сейчас же этой волны он не ощущал – его просто очень рады видеть, вот и всё. Однако как раз приятно, комфортно как-то, ну, тогда ждём пояснений... А вы там все подавитесь с зависти, балбесы, никто не встал из вас...

– Это нормально, пять лет ведь прошло уже, – как ровно и мило она улыбается, ротик у неё жутко аппетитный, но я её правда не помню, значит, не из моих брошенок на одну ночь, а длинных приключений у меня тогда не было, чёрт возьми, кто это?! – Да и заняты Вы в тот день были очень, так что не страшно.

– Вы бы лучше имя сразу мне сказали, сударыня, – спокойно проронил мужчина великосветским тоном, едва заметно усмехаясь и небрежными жестами извлекая из карманов зажигалку и пачку сигарет, чтоб замаскировать для посторонних лёгкое указание взглядом в сторону, на долю секунды, которое означало «отойдём в сторону». – Этак быстрее будет.

– Пойдёмте, я заодно Вам покажу, где курить удобнее, – плавно кивнув головой, ответила женщина, как будто совершенно спокойно любуясь не то его крепкими скулами и подбородком, не то резким профилем и ладно сбитыми чертами в целом. – Можете звать меня Светлана Алексеевна, – и тронулась с места плывущим подиумным шагом, это ей вполне позволяли классические лодочки на шпильках.

Пашка ответил ухмылкой довольного хищника, который предвкушает славную перемену блюд из парного мяса, вежливо кивнул, но так, что его густые каштановые патлы, сливавшиеся в настоящую гриву к плечам, выгодно резко скинули чёлку к переносице, и столь же плавно двинулся следом. Он хотел, чтоб дама чуть понервничала, оказавшись к нему спиной – чай, нынче не средневековье какое-нибудь, наличие кавалера сзади скорее сильно напрягает, чем вселяет уверенность, что всё хорошо – да и поглазеть на то, что обтягивает юбка, всегда не лишнее. Сейчас обзором можно было вполне удовлетвориться, даже скользнув краем глаза, безупречный деловой костюм тёмно-синего цвета, разве что спереди там резкие претензии с формой отворотов и что-то поверх блузки из крупных камней в колье, шлифованного сердолика местные камнерезы в белый металл никогда не жалели, но ноги – любоваться можно долго. И будет большой глупостью не подержаться за них в самом ближайшем времени, конечно – Пашка уже беззастенчиво представил, как расположит эти ноги у себя на талии, и с удовольствием потянул плечи, вдыхая поглубже.

Пожалуй, кастет сейчас можно и убрать в карман брюк – местность была фактически безлюдной, отчего-то желающих бродить у ограждения прибрежной дамбы сейчас не было вовсе, наверное, их отпугивала бегущая вода, смотревшаяся сейчас совсем чёрной. Сумерки здесь длились очень недолго, не то от сильной прозрачности воздуха над гигантской водяной линзой, каковых немного найдётся похожих на планете, не то от того, что горизонт всё же был обрезан активным высокогорьем по всем сторонам, и прибрежный посёлок Сосновка сам натужно вжимался в пару падей мелких речек, истово наползая огородами и беседками на склоны сопки. Хотя Старосибирск был всего в часе пути на лёгковом авто по шоссе, менталитет городских гуляк и дачников ещё не окончательно победил здесь дух непоправимо обнищавшей в двадцатом веке сибирской деревушки, и первые кучковались на своих окультуренных площадках, шумно и не очень веселясь, а вторые уже завалились спать, чтоб с рассветом начать текущие дела от грядки до рыбалки. Одинокая пара неторопливо удалялась прочь от шумящего ресторанчика отеля, что расположился на асфальте широкой многофункциональной части дамбы – она в разное время могла служить и причалом для речных судов, и парковкой в дни повальных праздников угасающей державы, и рынком в бархатный сезон. На этот сезон ресторанчик

захватил часть этой богатой площади и вальяжно расположился там с мебелью, кованой местными умельцами, шедевры коих днём продавались забугорным туристам по цене, втрое завышенной, нежели в салонах городского центра. Но ужасные перила из толстых кое-как сваренных труб эпохи развитого социалистического безумия никому в голову не приходило менять на что-либо симпатичное, ибо они были вмурованы в бетон при постройке. Кроме того, на них было удобно заваливаться грудью ради наблюдения за текущей прозрачной водой в светлое время суток, и для непринуждённой беседы – в тёмное.

Заметив, что они удалились на приличное расстояние, почти к краю ограждения, и их уже не видно из ресторана, Пашка поступил подобным образом – опираясь спиной на эти трубки, жутко похожие на растолстевшие поручни старых трамваев, смачно затянулся сигаретой, чуть тряхнул головой, чтоб высунувшаяся из-за туч луна чуть оттенила как его развесёлый оскал, так и заиграла на волнах волос. Затем нарочито независимо, но с конкретным интересом продолжил глядеть на спутницу – в студенческие годы, проделав всё это, было достаточно согнуть колено и чуть поджать ногу, и охотница до жёстких ласк находилась в течение трёх минут...

Эта же дама снисходительно улыбнулась ему, будто пытаясь молча дать понять, что сигнал распознан и не вызывает протеста, но сейчас всего лишь приятная пауза. Всё выглядело так, словно она хотела спокойно рассмотреть старого знакомого, пока он курит. Итак, молчание придётся нарушить самому, жаль, но ладно...

– Откуда Вы знаете, как меня звали в школе, Светлана Алексеевна? – лениво потягиваясь и закладывая локти за голову, поинтересовался Пашка. – Это было уже слишком давно...

– Я же училась на три класса младше, Павел Николаевич, – просияла та, чуть склонив голову, но, не сокращая те три шажка на каблучках, что служили сейчас церемониальной дистанцией – тут и прыжка толкового не нужно, но обычно тихони об этом не думают, а зря... – Вы как-то раз за меня заступились, когда уже в десятом классе были.

– Напомните, – с неожиданной для себя учтивостью попросил Пашка, отчего-то успокаиваясь и не испытывая пока намерения демонстрировать повадки чокнутого от желания. – Школа решительно ничего хорошего мне не оставила из воспоминаний, хоть одно будет тогда.

– Я тоже знаю ту ужасную историю с директорской дочкой и бандой с района, – чуть смутившись, кивнула молодая женщина и потупилась. – Но это случилось чуть раньше, по весне. У меня дагестанец из класса старше отобрал шоколадку, а Вы его проучили хорошенько.

Пашка тихо зарычал, помотал головой и снова смолк.

– Не помню всё же, жаль. Везёт мне на эту мразь, оказывается.

– Я Вам ещё на последнем звонке букет подносила, – слишком ровным голосом, чтоб можно было поверить, что она и впрямь спокойна, продолжала собеседница. – С начинкой... Пашка резко выпрямился, не столько для того, чтоб встать ровно, сколько для того, чтоб сократить расстояние таким маневром и повернее посмотреть в глаза неузнанной знакомой:

– И что в нём было?! – он навис над женской фигурой уже столь заметно, что игнорировать это – значит, сознательно нарушать всякую видимость приличий, но та не двинулась с места.

– «Сникерс» и сердечко из красного бисера, – тем же невозмутимым тоном проговорила молодая женщина, подняв голову и спокойно выдерживая его колючий взгляд, но без всякого негатива.

– Так, – сочно обронил Пашка, потирая кулаком правой руки лоб – левой он держал сигарету, – вот откуда, значит, он выпал, ладно ещё, что я не выбросил этот веник сразу за забором... Да съел я его, съел, – поспешил заверить он, увидев уже слишком распахнутые ресницы совсем рядом со своими. – Тогда «Сникерсами» не бросались. А сердечко вот такое было? – весело поинтересовался он, показывая растопыренными указательным и большими пальцами размер, и, дождавшись смущённого кивка, тихо рассмеялся. – Ну, спасибо, нечего сказать, его

у меня мать нашла и закатила истерику, а я знать не знаю, что это и откуда... Оно, видать, упало уже в комнате и укатилось под портфель, я и не заметил даже.

Луна брызнула капризным лучом поярче на чуть вытянувшееся от известия женское лицо, быстро моргавшее длинными ресницами, и Пашка понял, что где-то ещё видел его... Господи, да это ж та девчонка, что выбежала тогда на расселении из ветхого жилья, с растрепанной косой и в драных джинсах, та, что вернула ему погибшую папку с его рисунками! Точно, прошло как раз пять лет с того времени, она была тогда похожа не то на нищую студентку, не то на несчастную хиппушу, и не при всех же должностных лицах и журналистах было с ней беседовать, кто она и откуда, вот он и не стал вообще разговаривать. И постепенно отказался от всякой мысли приехать по её новому адресу и поблагодарить – слишком хорошо знал, как это отразится на репутации их обоих и что ничего хорошего из этого выйти не сможет. Но сейчас, здесь, сирень и жасмин сибирский, чёрт побери, убью всякого, кто вздумает мешать! – Пашка стремительно обнял даму и припечатал её губы крепким страстным поцелуем, едва выброшенный картинным щелчком пальцев окурочок отправился падать в тёмную воду стремительного течения.

– Я... вспомнил кое-что, – пояснил он после, чуть отодвинув губы и чуть тяжеловато дыша от радости, что никакого сопротивления не ощутил вовсе. – Мы... никуда не спешим сейчас, верно?

Она на миг по-кошачьи зажмурилась и мотнула головой. Затем широко раскрыла глаза и с восторгом молча уставилась на него, как будто с трудом верила в реальность происходящего. Это ему очень понравилось, и он повторил жадную атаку губами. На этот раз он ощутил неслабый ответ и с удовольствием отметил, что её руки сомкнулись на спине. Это понравилось ещё больше, и Пашка умеючи да играючи продолжил действовать руками и неспешно целоваться – он знал, что через некоторое количество десятков секунд дело может пойти слишком далеко, но останавливаться не желал вовсе... Луна очень быстро спряталась за невесть откуда наплывшие тучи, и ни одно бешеное авто не проехало по трассе ни в одну из сторон. Хотя обычно в это время вечера полно желающих вернуться в город по темноте... – Пашенька, давайте уйдём тогда отсюда, – в одну из кратких пауз поспешила прошептать молодая женщина, не препятствуя ему вовсе. – Пойдёмте, там всё же спокойнее будет, – вежливо попросила она, крепко ухватив его одной рукой за талию и ласково поглаживая ладонью другой по волосам.

Он замер на несколько секунд, прикрыв глаза и наслаждаясь этим действием. Потом неохотно отстранился и согласно кивнул, позволив вести себя за руку куда-то. Тучи сгрудились возле луны, позволяя ей просвечивать причудливыми лучами сквозь свои затейливые узоры, но над головой сейчас опрокинутый конус неба брызнул гроздьями звёзд, видных весной на склоне второй половины ночи. Пашка где-то глубинами затуманенного желанием сознания сделал ревизию экипировки – нигде ничего забыть не пришлось, всё осталось по карманам, а значит, можно послать к чёрту коллег, что всю сейчас прохаживаются языками по его адресу, обязательно. С озера наконец потянуло сочной прохладой, ей давал сдачи нагретый воздух от прибрежных скал и нагретых за день деревянных домов. Веяло не только разбушевавшейся сиренью, но и крепкими лиственницами, сладкими кедрами, скромно-суховатыми, напитавшими за день тепла, соснами. Откуда-то из глубин тёмных дворов доносился собачий лай и вой – чьи-то псы явно очень не любили соседские упражнения в караоке... «Если я заменю батарейки!!!» – вдохновенно хрипел кто-то очень пьяным тенором, активно помогая себе топотом по сухим доскам, похоже... Спутница вела его по каким-то покрытым тенями дорожкам, но Пашка не разбирал особо, где это и как, без усталости глаза на звёзды – город всегда мешал своей дурацкой бледной подсветкой, а здесь эти россыпи казались всегда ближе. Похоже, что нынче особо не удастся заняться этим любимым с детства занятием – любованием звёздным небом в разное время ночи, и хотелось урвать хоть немного этого радостного действия на сегодня.

Они прошли через какие-то неизвестные двери, где практически не было сотрудников отеля, куда-то ещё шли по лестницам – внимательно разглядывать, что и как, желания не было, да ещё мешали чёртовы воспоминания о юности, как назло, самые те, которые хотелось похоронить надолго. Если что, мозг потом автоматически подсказет, куда идти, но сейчас сознание пролистывало все эти картины перед глазами, не останавливаясь ни на одной из них. Муторное ожидание наконец прервалось тихим щелчком закрывшейся двери люкса. К удовольствию гостя, окно выходило на воду, и в приоткрытую створку попадали отблески лунного ночного любопытства, едва прикрываемые светлой плотной шторой, а тихие бра не разливали лишний свет.

Оценив краем глаза, куда попал – сам он не позволял себе роскошь такого уровня, Пашка по-быстрому избавился от пиджака и галстука, а затем поспешил продолжить то, что с успехом начал под луной. Не встретив никакой уже причины медлить, ускорился, повалившись в обнимку с женщиной на огромную кровать с балдахинном – как нарочно, в его вкусе, как и весь стиль интерьера на такой случай... Никакой заминки или досадной мелочи, что бывает нередко в подобных ситуациях, не случилось. Всё шло хоть и быстро и почти молча, но слаженно, спокойно и даже в целом ласково. Он аккуратно и быстро раздел её, не тронув кольцо – наука бывшей жены была всегда очень кстати, и заставляла всех дам приходить в трепет и восторг от слаженной чёткости его движений при этом. Алое бельё на уже загорелом смоляным местным загаром теле даже в подсветке белого жемчужного света от бра выглядело на редкость пьяняще – интересно, она загорала, прикрыв лицо, стало быть? – и Пашка распалился на всю катушку, уже не пытаясь сдерживать себя ни на полкарата, осыпая жадными ласками безупречное тело, явно привыкшее к походам в тренажёрный зал.

Да так, что после пришлось совершать значительное усилие, чтобы отвлечься ради того, чтоб раздеться самому – должно быть, голова кружилась очень сильно от того, что успел по дороге насмотреться на рыжий Арктур, звёзды с красноватым оттенком нельзя наблюдать в женском обществе, сразу все дремучие желания затопляют мозг. Как сейчас, когда интуиция подсказывала, что он попал на редкость в спокойную и комфортную обстановку на несколько часов, и можно отвязаться полностью, не опасаясь напугать ночную подружку. Однако подозрение, что его сейчас сильно побаиваются, хоть и позволяют всё, не исчезло даже тогда, когда Пашка решил развеять это впечатление, притормозив, чтобы, освободив волосы красавицы от заколок, уложить их волнами на ключицы и всласть полюбоваться на них. Жаль, придётся ещё чуток подождать... – Света, значит, – глухим от желания голосом проронил Пашка. – Да никакая ты не Света вовсе, ты натуральная Анжелика из книжки с такими-то глазами и волосами получаешься... Похоже, помогло – глазки заметно потептели, улыбается с каким-то детским восторгом. Это хорошо, отпускать её прочь после всего в намерения вовсе не входило – а то вполне могло быть, с этим выражением напуганного котёнка, станется ещё вскочить потом и убежать без всяких объяснений.

Во времена студенчества на это было часто плевать и даже весело, без воплей «Пашка, ты зверь, давай ещё!» часто бывало и скучно, но сейчас этот сценарий совсем не устраивал. Вырос уже, что ли? Видимо. Куда это она с таким ужасом смотрит? Ах, идиот, надо было ведь бра приглушить, забыл, что она глазеть начнёт жадно, такая-то газеля пугливая... Но было не до того, а сейчас уже поздно – интересно, чего она испугалась больше, шрамов в виде правильных крестов на груди или нательника над ними, из школьной медали отлитого? Первого, точно. Ну, это даже приятно тогда...

– Чего боимся? – сверкнув весёлой улыбкой хищника, томно проворчал Пашка, постепенно смыкая объятия всё крепче. – Или у Анжелики парень не со шрамами разве был, а?

– Это когда случилось? – потрясённым шёпотом пробормотала женщина. – Неужели тогда, в школе ещё? Пашка постарался фыркнуть как можно беззаботнее, чувствуя, что румянец настойчиво запросился на щёки – такой искренней реакции его украшения не вызывали

ещё ни разу... – Да, это так, – глухо проронил он, удивляясь про себя тому, как щеотно стало под кадыком от этих слов.

– Вас больше месяца не было, Паша, я так испугалась, – ну, точно, та самая бледная стрекоза с букетом, что смотрела снизу вверх, дрожа от неизвестно чего... – Вы же в больницу попали, верно?

Пашка с сожалением понял, что контроль над собой утерян – обнаружив, что мерзко хохочет, запрокинув голову вверх...

– Ребёнок ты, Светлана Алексеевна, – снисходительно проговорил он, прекратив это безобразие и с непривычной совершенно нежностью уставившись ей в глаза чуть насмешливым взглядом. – Там, куда я попал, у меня был кованный ошейник на половину ширины шеи и хорошая стальная цепь на четыре метра от него, – он весело подмигнул и поспешил с горячим поцелуем. – Хорошо же, что этих вещей тебе не рассказали, всё-таки, – добавил он после, аккуратно расправляясь с застёжкой лифчика, как умно носить такой, где она спереди, всё же...

– Как это? – ну вот, перепугалась насмерть, зачем было только вообще разговаривать, лучше бы после уже...

Пришлось остановиться, и это тогда, когда это в принципе невозможно! Подождать с сантиментами не могла, скверная глупая девчонка! Любит, что ли? Впрочем, почему невозможно...

– Да меня мужики нашли, что на дагов в деревне работали, а те рабовладельцы что надо, вот и вся история, – пренебрежительно скривившись, проворчал Пашка, и, сделав над собой усилие, оторвал ладонь от женской груди, чтоб погладить собеседницу по голове, как стоило бы делать с напуганным ребёнком. – Сбежал я от них однажды. Нашла ты тему для разговора, Света, нечего сказать.

– Прости, – обронила вдруг та, и сама крепко обняла его, уткнувшись лицом в плечо. Ну, это логично, но не хватало ещё ей разрыдаться от переживаний, ага...

– Хватит дрожать, дело давнее и нудное, – командирским тоном прорычал Пашка, опрокидывая даму на спину и укладываясь сверху, так, чтоб было удобно правой рукой отодвигать последнюю деталь белья. – Пустите уже кавалера, графиня, мы и так с Вами потеряли много времени...

Глава 1

– Вот, смотри, над водой, потом над хребтом в половине мизинца отсюда, рыжий такой зверь пылает, видишь? – весело кипятился Пашка, указывая своей даме в нужную точку неба из окна люкса. – До него без малого шестьсот лет, световых, ясен пень, пятьдесят три парсека, вовсе не мелочь, короче.

– Он красный, – со вздохом отвечала та тоном школьницы на экзамене. – И симпатичный.

– Ага, в порядке всё у тебя со зрением, значит, – ослепительно улыбался Пашка сиятельной улыбкой довольного хищника, бесцеремонно привалившись на подоконник и нимало не смущаясь тем, что бесстыже обвязал талию полотенцем – дабы не дефилировать вовсе нагишом. – Можешь смело забывать свои линзы где попало – они тебе на деле не нужны уже. Это просто было снижение резкости из-за того, что ты перенервничала, вот и всё, – он вежливо, но настойчиво привлёк к себе молодую женщину, чтоб покрепче поцеловать – ну, и чтоб не давать повода выбираться из его объятий...

Что за блажь забираться в халат – ночь вовсе не прохладная, лето уже вступило в свои права и здесь, на берегу озера. Ну да ладно, сбросить его недолго, когда он будет слишком уже мешать.

Пашка с азартом наслаждался произошедшим сегодня чудом – он ни разу не чувствовал себя столь приятно в постели с дамой – даже когда его жена успокаивала тем достопамятным дождливым вечером, когда после дурацкого объяснения с девушкой, к которой он был неравнодушен, хотелось послать к чёрту всё и вся и не просыпаться никогда уже больше в жизни, так все достали. И, хотя по привычке хотелось водить – и это занятие он не намерен был бросать – перемену он заметил легко и сделал все нужные выводы хоть и молча, но быстро. Но что-то из нехорошей серии очередных «не так» имело место быть, и с этим безобразием необходимо было покончить как можно скорее. А нащупать это нехорошее по сию пору не получалось – хотя он уже узнал о столь неприятных вещах из Светкиной жизни, как несостоявшаяся свадьба и аборт, о котором идиот-папаша, будучи застуканным на месте кувыркания, уже и не узнал. То, с каким выражением рассказывала о своих горестях новая подруга, не сподвигало думать, что она склонна об этом вообще была кому-то сообщать, но Пашка чутьём понял, что это всего лишь ответ на его сообщения о причинах его шрамов на груди. Честная девочка так напугалась, что вбила себе в голову, что сейчас они значат по сию пору то, что и четырнадцать лет назад – вот и поведала ему наиболее грустные эпизоды своей жизни. Однако чего-то она по-прежнему боялась – и это Пашке не нравилось, особенно потому, что ему тоже хотелось, чтоб его бесшабашное сейчас счастье полностью передалось этой грустной красавице. Похоже, придурок, что так и не стал её мужем, оказал всё же медвежью услугу – Светка осталась свободна, ведь мотивации отбивать её даже у номинального супруга было бы просто неоткуда нынче взяться, но оставил после себя что-то вроде пепла на пожарище, жутко мешающего в данный момент.

Пашка усмехнулся сам себе – какой ты стал умный вдруг, Челленджер, вырос уже или вовсе влюбился по уши, а? Получается, прозвали в школе верно – коль скоро «челленджер» то и означает, что «бросающий вызов», то по крайней мере частично это точно про него. Директорская дочка верно – так ей и всем остальным казалось – рыкнула ещё в начале десятого класса, мол, Пашке вечно больше всех надо. Это им так казалось со стороны – на самом деле он просто хотел, чтоб к нему не приставали с чепухой. Как будто после венгерского танца Брамса песенка про улыбку из тошнотворного от пересыщенности слащавостью мультика чепухой не покажется, ага. Ну, или «Дубинушка» там после чардаша Моцарта. Кибальчиш после развесёлой банды Робина Гуда выглядит просто идиотиком, которого в дурдом закрыть забыли в суматохе, да-да. Пашка даже и не озвучивал никогда вслух это своё мнение, ну, разве что когда потребовал тишины в классе, когда литераторша поставила пусть и хрипящую пла-

стинку, но с чётко различимым «В пещере горного короля» Эдварда Грига – так после того пришлось наслушаться всякого, как назло, от педагогов... Тем не менее, одно отсутствие восторгов по адресу красно-кумачовой героики уже выставило его едва ли не аутсайдером – за что после пришлось очень жестоко поплатиться...

Но только того, чтоб оставили в покое – этого, конечно, Челленджеру было мало. Он относился к тем особям мужского рода, что не видят ничего дурного не только в комфорте как таковом, но ещё имеют наглость дистанцироваться от дешёвого, как сигареты без фильтра, портяночного брутализма соотечественников. Нет, конечно, лазать по деревьям и заборах, прыгать по сваренным вручную гаражам из радиаторов отопления, служившим во дворе также и складами, и клубами – никогда не отменялось и с выполнялось с таким азартом, что однажды привело к печальным последствиям. Выкатившись из двора в очередной китайский раз с диким хохотом на самодельных санках и не сумев вовремя затормозить, Пашка-дошкольник впечатался вопреки собственному желанию и согласно элементарным законам физики – в очень серьёзную сварливую тётку, что оказалась директором элитной школы, что стояла от дома в нескольких метрах, отчего, несмотря на все принятые нужные в таком случае меры, дорога в эту школу оказалась навсегда закрытой... Но шариться по подворотням и чердакам, бегать по ещё диким берегам Её Полноводия, мастерить из подручных материалов разные ужасные вещи – во всём этом и не только в нём юный эстет не уступал никому из шевутных сверстников. Однако кроме всего этого стандартного контента жизни школьника последней четверти уходящего тысячелетия, у Пашки были свои вкусы и предпочтения – и, хотя их он никому не навязывал, одно их наличие уже вызывало неоднозначную реакцию окружающего мира. Впрочем, до пятнадцати лет эту реакцию Пашка старательно игнорировал – зря, наверное... Тем не менее, то, что отличало его от других – о чём он не особо задумывался даже – очевидно, послужило не только причиной катастрофы в последний год учёбы, но привлекло внимание девочки, которая сейчас превратилась в роскошную даму, не пожелать которую мог только слепой; с точки зрения её нынешнего любовника, разумеется. И оно же сейчас диктовало намерение разобраться с тем обстоятельством, что мешает быть в данный момент ей столь же счастливой, что и любовник – заметим вскользь, что многие из brutальных сверстников вообще не задались бы таким вопросом. Накачанная фигура была безупречна, но этого и яркого оттенка шатеновой гривы было недостаточно, девочка была явно из тех, что не оставивается на этом уровне – итак, чего же она по-прежнему опасается, задумался Пашка, с аппетитом озорующего ребёнка таская виноград из вазы. Вроде бы особо не лютовал, овладев, вёл себя даже аккуратно – да и она явно не притворялась, что ей хорошо. Или тут тоже безотцовщина прошла как-то криво, и теперь вообще не разобраться, где оно, то, что мешает? Они сидели на диване, явно предназначенном также для того, чем стоит заниматься на этой огромной кровати с балдахинном...

– Света, ты любишь рестораны? – так, осторожно берём за руку и спокойно, спокойно глядим, может, её моё желание смущает, но всё же поймать её снова и... очень хочется уже.

– Нет, я слишком долго проработала там, пока была студенткой, – с тихим вздохом ответила она, чуть потупившись. – Да и вообще не люблю, где шумно.

– Что ж, – спокойно и утвердительно заметил Пашка, потянувшись за шампанским, – тогда мы останемся здесь, – он отпустил её руку, чтоб расправиться с пробкой. – Мне это даже нравится.

Этот жест у него был отрепетирован до автоматизма – в мэрии его часто зазывали в кабинеты, упрашивая вскрыть не только шампанское, и оттого смотрелся в его исполнении легко и красиво. Разливая по бокалам с грацией, могущей поспорить с профессиональным барменом, Пашка негромко, но чётко взялся выводить старый знаменитый мотив:

– «Where do I begin To tell the story of how great a love can be The sweet love story that is older than the sea The simple truth about the love she brings to me»,

– это звучало у него очень спокойно и естественно, но неизменно вызывало едва ли не шок у любого слушателя. Оно и сейчас не оставило новые уши равнодушными, и Пашка спокойным жестом продолжил, предлагая даме бокал:

– «Where do I start.. With her first hello She gave new meaning to this empty world of mine There'd never be another love, another time She came into my life and made the living fine»,

– от желания его голос обрёл нужную густоту, и можно было уже смотреть немигающим взглядом, перед которым ещё пока никто не мог себя спокойно себя чувствовать.

Только сейчас Пашка пел вполне искренне, желая только понравиться своей новой даме. Он с удовлетворением заметил, что её ресницы задрожали почти сразу, значит, номер успешен – впрочем, когда он был неуспешен, а? Только сейчас это было приятнее, чем когда-либо. Итак, к третьему бокалу дожав интонацию до нужного напряжения, Пашка умолк, тихо улыбаясь: – Разбивать не буду, хорошо? – он по-дружески подмигнул, оставив ладони свободными, и протянул руки, приглашая в объятия. Похоже, получилось, с удовлетворением отметил Пашка, неторопливо целуясь и расправляясь с ненужным ему вовсе халатом. Вероятно, ему просто попалась девочка, не избалованная красивыми жестами, ну весь набор откатать потом не составит труда. Лишь бы дело было только в этом, право, – думал он, поудобнее устраиваясь и аккуратно располагая женские ноги у себя на талии. Подстраховаться всё же не мешает... – Света, – вежливо произнёс Пашка, что прозвучало на резком контрасте с его фактическим рычанием, едва он оказался здесь, – ты пойми, я тебя хочу, а не просто само это дело, понимаешь? – сейчас было уже легче спокойно смотреть в глаза, и то, что Пашка увидел там, ему понравилось.

Теперь можно и не притормаживать, – эта мысль была уже едва заметной, и, услышав стон, так нужный ему сейчас, Пашка думать перестал и отвязался.

Маргарита Константиновна была женщиной дородной, солидной и серьёзной. Её волосы, подчинённые не то химке, не то термобигуди, когда-то могущие навевать аллюзии с исполнительницей известного хита «Арлекино», нынче были устойчивого цвета «хна по седине». Серые глаза были крупноваты, заставляли вспомнить ту часть в учебнике биологии, где говорится о базедовой болезни – тем более, что биологию как раз этот грозный школьный завуч и преподавала. Хотя дамой она была скорее просто крупной из-за климактерических расстройств, но ощущение, что она одним своим присутствием может вызвать крупные неприятности любого толка – от пары по поведению в четверти до селевого потока в горах за полторы сотни километров от города – вызывала всегда прочное. Когда и каким образом она научилась столь дивному свойству – нам, право, неизвестно, но пользоваться им её вынуждала не столько сама занимаемая должность, сколько стремление к самореализации, свойственное каждому человеку, кем бы он ни был и где бы не находился. Школьные хулиганы её не боялись, но тщательно старались сторониться во избежание неприятностей, тем более, что армия туповатых благообразных девочек никогда не оставляла Маргариту Константиновну без нужной информации, пытаясь заслужить тем её благосклонность – когда из желания мелко помстить будущим зекам, когда надеясь на послабление при выставлении оценок за прилежание. Сей факт способствовал хоть какому-то реальному обучению на уроках – когда ободрённые снисходительным вниманием завучихи, когда от испуга задействовав мозг в учебном процессе, школьницы старались хоть как-то усваивать материал.

Но, поскольку несчастному педагогу то и дело с усталым артистизмом приходилось опускаться на уровень, понятный туповатому большинству, выхлоп от воодушевлённого внимания к теме урока был невелик, а оценки часто случались завышенными тем, кто демонстративно старался. Да и уровень обучения был невысок – проще говоря, привыкшему «работать с книгой» Пашке быстро надоедала скукотень на уроке, и он то рисовал в отдельной тетрадке что хотел, то просто брал с собой посторонний томик, чтоб отлистывать внутри закрытого стола

страницы очередной приключенческой бодряги Стивенсона или Майн Рида. Поначалу педагоги пытались с этим бороться, но изымать книгу просто так не давал тот факт, что брал он дорогие издания у дочки судьи, чей папаша был каким-то высоким номенклатурным чином, а портить отношения с этой семьёй никто из педколлектива не хотел. Да и темы урока обычно были уже усвоены Пашкой на удобоваримым уровне, его было не застать враспloch какой-нибудь проверочной или самостоятельной на треть урока, и то, что за четверть обычно стояли четвёрки, было скорее вызвано подсознательной дискриминацией по половому признаку, но не отражало его реальных знаний.

Стареющих дамочек, как одна прогибающихся перед администрацией школы, раздражали также его вечно длинные, но аккуратно причёсанные волосы – никакие аргументы о правильности классового подхода и рамках приличий на вредного мальчишку не действовали, он сразу же начинал резкие апелляции к образу мушкетёров и уходил в дебри истории, не всегда ведомые самим великовозрастным оппонентшам, а его матери указывать было бесполезно, та вечно была в разездах: работала проводницей на пассажирских поездах. Однажды он довёл до слёз несчастную молодую историчку, вежливо указав, что её уроки слишком безжизненны и лишь повторяют текст учебника, который можно и дома прочесть тем, кто вовсе не идиот – а после, смутившись, сам же упрасивал её успокоиться, выгнав оставшихся одноклассников прочь из кабинета. Это тоже в красках донесли Маргарите Константиновне, но та не стала ковыряться в теме, узнав также, что ученик и учительница подружились на почве её предмета – а о том, что содержал свёрток, что через неделю приволок ученик учительнице, спросить не удалось, не лазать же в сумку к подчинённой прямо при ней... Побывав раз на её уроке и увидев, что парнишка отвечает лучше всех основной материал, сопровождая его дополнительными сведениями, завучиха сочла возможным просто составить нормальный протокол посещения и забыть об инциденте навсегда – и так успеваемость школы дрянь, пусть так и будет.

В данный момент, однако, Маргарита Константиновна сурово двигалась по школьному коридору, высматривая между делом выгнанных с урока учеников, чтоб пресечь их посиделки под лестницей либо в буфете – сколько не указывай этим королевам половника, что только во внеурочное время нужно пускать детей – бесполезно. Скучающие работницы кухни и кассы никого не гоняли со своей территории, гордо владея как недоедками и объедками, так и испытывая дефицит в простодушной болтовне, оттого к их пристани постоянно прибывали разные отпрыски, томимые дефицитом родительской заботы дома, а то и вовсе отсутствием таковой на деле. В коридорах обеих этажей царила образцовая тишина, с балетной грацией носилась техничка в халате и с огромной тряпкой из мешковины на швабре – сразу видно, что удачно отстояла двухчасовую очередь за чем-нибудь в гастрономе, а сейчас активно показывает, что никуда не отлучалась с рабочего места, никуда. Под крупными электронными часами располагался пост №1 для дежурного класса по школе – и при приближении завучихи шестиклассницы резко встали по стойке «смирно», успев, впрочем, одёрнуть белые фартуки на бурой форме и нацепить протокольные улыбки; стоять здесь и подавать звонки было особой честью, поэтому в школе была масса народа, что и мечтать не могла о ней. Строго кивнув в ответ на подобострастные взоры дежурных, Маргарита Константиновна двинулась в учительскую за каким-то делом, кажется, ей был нужен какой-то из классных журналов другой смены, но не успела скрыться там...

В конце коридора распахнулась дверь – о, так двери распахиваются очень особенно, когда кто-то вылетает вон по требованию учителя покинуть класс, это невозможно спутать! Так и есть, не без этого – какой-то шельмец не старше дежурного класса, а дежурит нынче образцовый б «А», оттого можно было вполне чувствовать себя спокойно, там желающие стать отличниками превалируют во всей смене, донесут к вечеру в целости, что и где кто когда сделал, и при каких обстоятельствах. Маргарита Константиновна двинулась мимо учительской по направлению к кабинету, выплюнувшему ученика – а, так то ж опять музыка, странно,

вроде ж перенесли в основное здание из пристроя. Ну, какие там снова проблемы с дисциплиной, что такое? Более чем странно, Пашка Краснов, он же вроде не из буйных вовсе. Ну, с этим обычно проблем нет, усадить его читать до конца урока, и порядок, но что произошло-то? Завуч, плавно переваливаясь на уставших ногах, и оттого носившая обувь без каблучков – за две смены на каблучках проклянёшь всех и вся – приняла как можно более внушительный вид и двинулась по коридору к нарушителю дисциплины. Тот же, бесстыже показав фигу закрытому кабинету, что уже должно было быть расценено как дополнительная дерзость, ведь понятно, что сие будет замечено, сунул руки в карманы, что также порицалось школьными порядками, и двинулся наглым широким шагом прочь от кабинета по коридору – вместо того, чтоб оставаться под дверью или хотя бы подойти к ближайшему подоконнику. Мало того, этот юный наглец ещё вытащил из кармана чётки из разноцветного оргстекла и взялся помахивать ими с пижонской брезгливостью на лице – а это уже вовсе не шалость, это настоящий вызов, с грустью пришлось признать Маргарите Константиновне, недоумевающей, зачем ей именно сейчас это шебутное безобразие с претензией свалилось на голову. Кабы ей попался в этом качестве сейчас кто из приличных школьных хулиганов – нет проблем, устроить распекаловку было бы даже приятно. А чего ждать от этого не особо поддающегося контролю и внушению кадра – было вечно неясно, такие обычно идут по скользкой дорожке к фарцовщикам и дальше, докладывали ведь уже, что жевательную резинку он на что-то меняет, а сам не жуёт. Вон, глаза хоть и голубые, но бешеные, значит, сам скандал устроил, негодяй, чем ему музыка-то не угодила теперь?

Пашка Маргариту Константиновну не боялся, не любил и не уважал – просто мирился с её существованием, не будучи в силах изменить это обстоятельство. В прошлом году, когда началась безумная и весёлая беготня по кабинетам – ему это нравилось, сидеть в одном три года ему опротивело до невозможности, да и на законных основаниях можно пробежаться по коридору, когда сильно устаёшь от сидения неподвижно – случилась линейка, о которой уже забыли все, кроме него, пожалуй. . . Две восьмиклассницы, ревелившие белугами после инцидента, быстро покинули школу, их следы потерялись навсегда. Пашка тогда был ещё невелик ростиком и торчал с краю, поближе к центру событий, получается. Рядом стоял придурок Игорёха, вечно заискивающий перед класснухой, и старательно лыбился, демонстрируя искреннюю преданность родной школе. Он был маленький, тщедушный, с выражением лица, похожим на несчастную рыбину с прилавка на рынке. За его спиной, слева – расположил своё жирное тело паскудник Карпов, и его мерзкая ухмылка если что и означала, так только то, что он успел таки где-то напакостить: намазать доску в кабинете пирожком из столовой, сперев это на кого-нибудь, в столовой наплевать в стаканы с чаем, в раздевалке насовать сора в чьи-то карманы. Карпов колол Игорёху иголкой на ножке циркуля, что положено цеплять на карандаш, со сладострастным упоением ввинчивая это орудие пытки в разные места спины своего товарища, а тот совершал подвиг долготерпения, делая вид, что ничего не чувствует. Стоило бы дать затрещину малолетнему садисту, но Пашка по опыту уже знал, что санкции прилетят не на того, кто так развлекается, а обязательно и только на того, кто вмешается в это дело. Кстати, благодарности в этом случае даже молчаливой от пострадавшего ждать бы тоже не пришлось, но, несмотря на все эти обстоятельства, происходящее было омерзительно до тошноты. Как, впрочем, и все дежурные речи о том, что необходимо чего-то там крепить во имя чего-то, быть достойными великого звания верного ленинца, неустанно бороться с чем-то. . .

Ох, даже Том Соьер и то веселее проводил время в воскресной школе, надо полагать – во всяком случае, то, что было в книге про него написано, всё ж намного приятнее этой риторики, вечно аппелирующей к «великому, типа, октябрю». Был ли он на деле великим – это ещё всё же серьёзный вопрос, по мнению Пашки, который знал от старожилков, что в родном городе те самые берега, где мальчишки бегали жечь костры из сосновых шишек, в то время были так же усеяны трупами, что нынче этими шишками. А уж личности тех, кто неустанно вос-

хвалял эту тему, никогда не вызывали искреннего восторга отчего-то, зато неприятных эмоций – сколько угодно. Вон, Анна Геннадьевна, старшая пионервожатая школы, даже по школе в пилотке ходит, а в красной комнате у ней вроде бы настоящая буденовка имеется – только любому стороннему взгляду за версту видать, что материнство ей не грозит даже гипотетически, а вот некий нехороший диагноз уже в глаза бросается. Она как-то разок вздумала попенять Пашке за его независимые манеры да привычку охорашивать гриву, поставив в пример тёзку Корчагина. Ей пришлось выслушать всё, что заслуживал придурок, не ценивший свою жизнь даже ради какого-то заявленного дела – Пашка говорил хоть и с экспрессией, но спокойно и аргументированно, заставив собеседницу сперва побледнеть как октябрьское пасмурное небо, а после и вовсе удрать с места разговора, резко вспомнив о неотложном деле. Кто ж знал, что упрямец не поленился прочесть текст книги – а не удовлетворится сообщением наставников... Или первая учительница соседней параллели, что как-то пару недель подменяла их заболевшую в третьем классе – как начнёт, закатывая глаза от истеричного волнения, расписывать подробности пыток в гестапо, так поневоле поверишь, что делает это ради собственного удовольствия. Таких злобных глаз, как у ещё одной её коллеги, чьё присутствие тоже пришлось потерпеть дня четыре когда-то ещё тогда, Пашка вообще никогда не видел – а ведь тётка просто пришла вести уроки в класс, вообще-то не склонный к особой любви к безобразиям. Этот змеиный голос, унижающий человека только за то, что он в данный момент находится рядом, все запомнили навсегда – кому-то он ещё с полгода снился в кошмарах. Отмалчиваться и делать вид, что тебя тут нет, с этим экземпляром женщины-вамп, увешанной грудями украшений из золота и нефрита, было сложнее всего. Когда она взялась оттягиваться на добряке Никите, что честно выполнил задание на уроке русского, и, подняв руку, молодежато взялся зачитывать правильные примеры на правило, Пашка понял, что не отсидится. Никита хлопал ресницами, не понимая, отчего с ним говорят столь высокомерно-уничтожительно, как будто он сознательно совершил некое ужасное святотатство, и медленно осел, подавившись этим непонятным количеством злобы. – Примеры из слов «чаща» и «чашка» ты можешь оставить, хотя мог бы придумать и что-нибудь поновее, а слово «чушка» зачеркнёшь и напишешь слово «свинья» – оно и характеризует тебя лучше, – безапелляционным тоном потребовала педагог, с явным удовольствием отмечая, как заблестели глаза мальчишки.

В следующий момент Пашка уже поднял руку и, получив разрешение говорить, поднялся, как безвестный боец, сменяющий у огневой точки раненого товарища – ровно, плавно и без лишних чувств вообще...

– В нашем регионе расположены два гиганта алюминиевой промышленности родной страны, – бесцветным официальным тоном процедил он с нарочито деревянным выражением лица, чтоб враг раньше времени не мог распознать сорт оружия, наведённого на него сейчас в упор. – Доехать до одного из них сейчас можно за четверть часа на автобусе местного значения. Сырьё, производимое заводом, используется для нужд машиностроения, в авиационной промышленности и продаётся за рубеж, – продолжил он уже настолько без всякого выражения, что училка с удивлением уставилась на него, сдвинув густые брови, отчего её крупный резкий нос показался осколком скалы в сумерках.

– И что? – с вызовом тряхнув пышным каштановым хвостиком спросила она, ещё ничего не подозревая.

– А то, что единица алюминиевого сырья называется чушкой не только в обиходе работников завода, но и в официальных документах, кроме того слово «чушка» имеется в орфографическом словаре русского языка тысяча девятьсот восьмидесятого года издания, – тем же ничего не выражающим скучным тоном подытожил Пашка и неспешно уселся. – У меня всё.

Враг холодно отмолчался, пообещал проверить факты и даже чуть сник – но Пашка понимал, что это только тактическая победа, вполне могущая обернуться страшными последствиями в будущем, однако иначе отчего-то не мог. Стать крепкими друзьями с Никитой не дали

его родители, уехавшие с сыном в тот же год куда-то из города навсегда. Все эти эпизоды до мутной линейки казались Пашке частностями, никак не связанными между собой кусками – пока он не увидел у этих людей и ещё подобных им выражение мерзкого торжества, когда они смотрели на унижение восьмиклассниц.

Девочек вывели перед строем и долго произносили какие-то глупости про передовую современность, недопустимость пропаганды варварства и необходимость борьбы с пережитками прошлого. Честно говоря, что к чему, не понимали до последнего не только жертвы и сам Пашка, изнывавший от желания поскорее покинуть это унылое сборище, но и большинство школьников, по привычке нацепивших кто дежурные улыбки, кто – деревянное выражение лиц. Но когда директриса уверенным и быстрым движением суховатых кистей рук – право, это напоминало хватку какого-то чудовища, Пашка до сих пор готов поклясться в этом – сорвала с девичьих шей кулончики прямо с цепочкой, ему стало жутко. Гордо, с чувством глубокого удовлетворения – так вот что означает этот речевой оборот на деле! – директор сверкнула серой плёнкой на карих глазах под мрачными очками с чёрной оправой и вручила свою добычу военруку, что явно боролся с приступом гипертонии на почве вчерашних возлияний. Тот почти вприпрыжку помчался в общий мужской туалет, чтоб утопить там, в унитазе пару изделий из белого металла – крестик и магендовид. Это был тот случай, когда Пашка запоздало понял, что стоит с разинутым ртом и хлопает глазами, с трудом веря, что происходящее – реальность. Он завидовал остальным школьникам, что могут стоять себе спокойно, уставившись в разные точки пространства – ему показалось, что он попал в какую-то странную реальность, не то мир кошмарного сна, не то в некий кластер виртуальной игры, хотя этих терминов тогда ещё не знал. Маргарита Константиновна точно заметила, что с ним неладно – и не то, опасаясь, что произойти может нечто неконтролируемое, ведь славу бьющегося насмерть за свои интересы мальчишка уже успел заработать среди сверстников, не то просто в душе не одобрявшая происходящее, двинулась своей плывущей походкой к девочкам, чтоб увести их в учительскую. Она произносила миролюбивым тоном какие-то надлежащие моменту слова, мозг от ужаса уже отказывался полностью воспринимать их. Затем слово говорил какой-то представитель невесть чего – Пашка не слушал, сам не свой от пережитого. Ему приходилось не раз слышать от одноклассниц, а часто и девочек постарше, что бегали за зашитой к всеильной завучихе, разные уверения в её благорасположении и стремлении помогать всем, кто носит бантики на хвостах и косах, буквально во всём. Почему же она допустила этот кошмар перед строем?! – не находил оправдания авторитетной даме Пашка, не в силах унять дремучее бешенство, так и поднимавшееся откуда-то из глубин его естества. И то, что его заставили наблюдать, как вскоре обе понурые героини, до конца линейки оперевшие глаза в пол, возвращались на свои места в строю, воспринимал как личное оскорбление – и не изменил этого отношения уже никогда.

А потому Маргарита Константиновна не была тем человеком в его глазах, перед кем стоило испытывать какой-то уважительный трепет. И на вопрос, из-за чего его выгнали с урока, отвечал хоть и спокойно, но с заметным апломбом, продолжая играть чётками в ладони: – Из-за песни «Дубинушка». Я убеждён теперь, что её вредно слушать – сразу все дубами становятся.

– Поясни свою позицию, – не повышая голоса, спокойно велела завуч, тяжело вздыхая про себя.

– Там с одним из куплетов сказано так: «англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрёл паровую машину», – прежним ровным тоном пояснил мальчишка, только вот слишком яркие искры в глазах отлично свидетельствовали, что он вовсе не спокоен. – Ну, а дальше по тексту, про Русь и дубину – ничего умнее не придумали, как за счёт людей решать тупые вопросы. Сплошная дубина кругом везде. Я и сказал, что ничего не изменилось – мне на дверь указали. Всё.

– Ну и зачем ты говорил всё это вслух? – снисходительно произнесла пожилая дама. – Тянули тебя будто за язык – молча такие вещи надо думать, если неприятностей не хочешь. Чётки свои спрячь в карман – знаешь ведь, что их отбирать положено, зачем нарываешься нарочно?

Парнишка посмотрел на начальницу с лёгким удивлением и поспешно убрал свою игрушку.

– Так как не говорить-то, когда оно так?! – фыркнул он уже более похоже на себя, без старательного желания казаться спокойным и выдержанным. – Это ж правда!

– Не нужно всем и всегда показывать, что ты на самом деле думаешь, – чуть назидательно произнесла Маргарита Константиновна. – От того, что ты поставил учителя в неловкое положение, ничего к лучшему не изменилось, а твоя репутация перед ним ухудшилась, – она потихоньку взялась поворачиваться в сторону учительской и сделала приглашающе-приказной жест, – Идём, твоя помощь тут очень нужна.

В учительской она указала мальчишке на стол, на котором лежал большой лист ватмана, полный наполовину баллончик силикатного клея и хорошо початая упаковка акварельных красок. Одного взгляда на этот набор было достаточно, чтоб догадаться, что кто-то из активистов родной школы безуспешно пытался сотворить поздравительное обращение к педагогам на грядущий День Учителя. Затем вывалила перед ним груды исчерканных поздравлениями к разным праздникам открыток. – Вот тебе ножницы, вырежи из них цветы и наклей сюда, чтоб было красиво, – ничего не выражающим спокойным тоном объяснила она задачу.

– А заголовок и текст тоже поправить? – деловито поинтересовался Пашка, разглядывая полученный объём работы. – Буквы нельзя делать, как в прописях первого класса.

– Делай, – спокойно кивнула завучиха, доставая нужный классный журнал и усаживаясь с ним за другой стол.

Уроки тогда были ещё по сорок пять минут, поэтому чистых полчаса на работу ещё оставалось, и закончить её учитель и ученик успели прежде, чем раздался звонок на перемену. Отложив заполненный чётким каллиграфическим почерком в нужных разделах классный журнал, Маргарита Константиновна ничем не дала понять, что откровенно любит тему, что получилось у ребёнка, но про себя подумала: «И чего эта дурында, мамаша его, не отдаст его в художественную школу? Меньше бы умничал, больше было бы пользы».

– Иди в класс, скажешь, что я велела вернуться, – усталым голосом сказала она мальчишке. – И больше не скандаль, учителя не виноваты, когда тебе что-то не нравится. У нас в стране ещё много того, что было бы неплохо поправить.

Глава 2

– Ну, а Каркуша мне и вещает, стало быть – «ты, Краснов, подлец, берёшься рассуждать о вещах, о которых тебе думать не положено!» – от души хохотал Пашка, с аппетитом голодного зверя поедая мясное рагу с помидорами. – Я облез, конечно, и говорю: «Так, небось, и в средневековье таким, как Вы, это и говорили! Так средневековье хоть сказать что-то может, вон архитектура какая, не то, что наши бетонные сараи, в которых дышать нечем и тараканы живут, уродство на уродстве, глядеть тошно!», – он успевал всё же следить за реакцией слушательницы, что наблюдала за ним почти с улыбкой. – Ну, она надулась, как хомяк с крупой, и велит, мол, выйди из класса! – а, я что-то тоже окрысился, и через плечо ей так: вся аргументация у Вас, как у Пришибеева, заткнись да выйди, может, стрелять ещё будете таких, как я? В общем, приписали мне срыв урока потом, а на моих контрольных, даже решённых без ошибок, выше четвёрки никогда не стояло.

– Каркуша мне в лицо рычала, что из меня ничего путного не выйдет, – со вздохом ответила Светлана, грустно хлопнув ресницами. – Это было очень обидно слышать при всём классе.

– Нет, нас с тобой очень спасло то, что этот кошмар с характеристиками отменили тогда, а то не видать мне вуза вовсе, да и тебе тоже, – с на редкость довольной миной отвечал Пашка, весело жуя.

Ночной ветерок слегка шевелил не только тюлевую занавесь на раскрытом окне, но и чуть тягал тяжёлые шторы зелёного бархата с золотыми узорами под стилизованные французские лилии – краем глаза было заметно, что луна скоро станет так, что вот-вот рухнет в озёрную пучину, и это эффектное зрелище было бы неплохо тоже показать новой подруге в контексте полной программы очарования, сопроводив всё это парой сонетов из венка Волошина. Пашка терпеливо и незаметно дожидался этого момента – сегодня ему было столь хорошо, что уже и всего мало, и хотелось продолжать праздник до полного изнеможения. Тем не менее, если ему неведома была усталость, надлежало заботиться о даме поплотнее. Хотя о школе говорить было не особо приятно, но пока это была ещё единственная тема, которой можно было разбавлять активные приставания, коих Светка ни то боялась, ни то просто вовсе не была приучена к цивилильным ухаживаниям.

Решив сперва, что партнёрша его побаивается, теперь Пашка материл про себя неуклюжего неумёху, за которого этот ребёнок всерьёз собирался замуж. Да, корявый был парень, явно... Поди, отворачивался к стенке и храпел, как хряк – девочка даже не приучена к песенкам после, а это дело Пашка любил всегда, благо никогда не фальшивил, верно схватывал то исполнение, какое довелось когда-либо услышать. В ход пошёл и Новиков и Высоцкий – горло позволяло не напрягаясь и задушевно тянуть, и задорно рассыпаться, тем более, что чувства переполняли вполне искренние, но Пашка кожей чувствовал, что для его нынешней милой это совершенно немыслимое поведение. Она то ясным взором смотрела на него с абсолютно детским восторгом, как на неземного принца, то, сжимаясь, как напуганный котёнок, снова начинала именовать его имени-отчеству. С такой реакцией молодой мужчина просто не знал, что делать: он привык к азартным играм с дамами постарше, которые ничему не удивлялись и лишь с радостным одобрением воспринимали его эстетические претензии. Оттого разговор то и дело сворачивал к ненавистной школе, в которой оба учились – и отчего их три года оказались такой пропастью, счастливый любовник так и не понял.

Обсудив вечно злой взгляд математички-завучихи и свою реакцию на него – страх у одной и желание устраивать аргументированный спор по архитектурным уклонам в стереометрии у другого – они перешли к теме изымания крупных серег и заколок и попыткам заставить Пашку подстричься. Если первое обычно удавалось у ветерана педколлектива без проблем и даже собственноручно, то второе не удалось сделать даже с помощью правильно проин-

структурированных активисток старших классов, поймавших упряма под лестницей – завернув матюки такой этажности, что дебелие девахи просто заслушались, Пашка прорубил сквозь их толщу путь ногами и кулаками, наплевав на все школьные мифы о том, что девочек трогать невозможно ни под каким видом. Он также сообразил, что жаловаться разбитные девки никуда не пойдут, потому что сознаться, что их толпу уделал сопляк-одиночка на два года младше, будет неприятно и чревато насмешками до конца года. Конечно, он не мог тогда знать, что им действительно пришлось с грустью докладывать о неудаче и похищенных ножницах молодой старухе со скверным нравом, но накануне выпускного, деньги на который Пашка не сдал, кто-то рассказал ему эту историю в подробностях. Как и тот факт, что за его роскошные патлы вступилась русачка, помешанная вместе с библиотекаршей на школьном театре. Здесь уже было повеселее – Пашка, весело хохоча и прихлёбывая горячий чёрный чай с лимоном, поведал о подковёрной подоплёке своего участия в немало нашумевших постановках.

Ни Сергея Волконского, ни его товарища Трубецкого играть будущего заместителя главного архитектора города заставить было невозможно, да и от почётной участи быть кем-то из четвёрки мушкетёров Пашка отказался пусть вежливо, кивая на других сверстников, но жёстко и наотрез. Это вызвало настоящий шок у одухотворённых школьных работниц, но поскольку в итоге вредина, упорно делавший уроки по русскому прямо на литературе, а алгебру – на английском, предложил себя на роль сразу двух персонажей, кандидатуры на которых не были вовсе утверждены, обе очень обрадовались. Аж до премьеры спектакля при всех почётных гостях отовсюду, да, очень были рады.

Разумеется, Светка видела этот скандал, вспомнила и перестала жаться, уже неплохо, даже ест уже не ради приличия, а вроде как с настоящим аппетитом. Пашка с удовольствием наблюдал за своей новой дамой – всё-то ему нравилось вполне, и яркие зелёные глаза, которые он вроде как ещё не покорил, просто пользовался своей привилегией объекта любви с тех давних пор, и длинные светлые волосы с чуть золотистым оттенком, которые ещё хотел не раз сегодня намотать себе на шею. Про лицо и формы говорить было бессмысленно, просто из глубины сразу вырывался сладострастный стон, и стоило некоторых трудов при всей отличной форме сдерживаться... Слишком уютно было рядом с этой случайно встреченной, и ужасно хотелось, чтоб она наконец стала чувствовать то же самое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.